

Грузно осело потрепанное временем и поколениями неугомонных обитателей школьное здание. Мрачным пугалом торчит оно среди умытых дождем лужаек и буйного огня осенних листьев.

Возвращаются ученики после летних каникул. Новички испуганно жмутся к холодным стенам, как бы ища защиты от туманов. В классах течет нудный разговор о сравнительных достоинствах английских монархов. Что сказал Эдуард III? Что сделал Генрих VIII? Так начинается фильм «Если...» английского режиссера Линдсея Андерсона.

Скудные столы трапезной и четкие ряды кроватей в спальнях напоминают казарму. Церковь битком набита скушающими людьми, с невероятным трудом сдерживающими зевок. Проповедь священника хлещет слушателей командными интонациями. Гимнастический зал стал камерой для экзакуций. А преподаватель математики за правильный ответ награждает подзатыльником.

Кадр за кадром раскрывается перед зрителями жизнь частной английской школы. Великовозрастные старосты классов, выбранные школьными властями за полное отсутствие воображения и способности мыслить, лупят гибкими палками провинившихся. Под ногами крутятся и получает затрещины от старшеклассников мелюзга. Слабые — на побегушках у сильных. Старосты имеют «рабов», выполняющих все их прихоти.

Воспитатели — отставные офицеры, не сумевшие дослужиться до приличной пенсии, или старые девы, которым не удалось преподавание в обычных учебных заведениях.

По-разному складываются судьбы детей, которые приходят в частные школы Англии, но за крепостными стенами их ждет одна общая мерка и один метод обучения — короли и розги. Королей учат, как таблицу умножения, а порку получают без счета. Из них выбивают все непосредственное, детское, их нещадно муштруют, учат беспрекословному повиновению. Коль им случилось родиться в семье, занимающей привилегированное положение, из них воспитывают будущих администраторов, политических деятелей, генералов, епископов и дипломатов. Им прививают раболепие перед заведенным порядком, страх перед всякими переменами и готовят безотказные автоматы.

Авторы «Если...» не ограничиваются сценами из школьной жизни. В фильме переплетаются гиперболы и предельно точные детали, фантазия и реальность, создается картина зарождения и роста протеста. Его основная тема — показать, к чему ведет система темниц и тюремщиков. Насилье порождает насилие. В заключительных кадрах главные герои забрасывают ручными гранатами, поливают свинцом из автоматов и пулеметов участников торжественного собрания, посвященного окончанию учебного года. По словам лондонских газет, «Если...» стал «выражением воинственного недовольства молодежи существующими в Англии порядками».

Иную форму носит протест в другом фильме, тепло встреченном лондонскими зрителями. Это «Чарли Бабблс» в постановке замечательного английского актера Альберта Финни, который исполняет и главную роль. Он рассказывает о судьбе молодого писателя. Нежданно-негаданно ему приваливают богатство и слава. У него свой золотистый «роллс-ройс», роскошный дом, каждая комната которого оборудована телевизионной камерой для удобства общения со слугами, и неиссякаемая пачка крупных банкнотов, надоедливо маячащая на экране во время показа сцен в отелях и ресторанах. Его день заполнен беседами с консультантами по вопросам бизнеса и юридической казуистики, которым нет никакого дела до его таланта. Их интересует только одно: что принесет больше денег — серия

«За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами» — таков традиционный девиз Московского международного кинофестиваля, который пользуется популярностью во всем мире как самый демократический и самый представительный. В этом году он проходит с 7 по 22 июля. Английское кино всегда широко представлено на московских конкурсах.

О некоторых проблемах молодежи, которые поднимает современное кино Англии, рассказывается на этих страницах.

телевизионных передач или кинофильм, снятый на основе его книг. Творчество Чарли для них такой же предмет купли и продажи, как партия сукна или обуви, а их интерес к его доходам диктуется стремлением побольше на нем

заработать. Ведь чем выше его прибыль, тем больший процент идет консультантам.

Чарли Бабблс обретает все материальные блага, какие только может дать ему буржуазное общество, и под тяжестью забот о приумножении капитала он утрачивает способность мыслить, желание работать и умение понимать людей, с которыми ему приходится сталкиваться. Из человека творческого он превращается в коммерсанта. В этом отношении судьба главного героя фильма напоминает долю многих молодых писателей, актеров и художников Запада. Общество, над торгашескими инстинктами которого они прежде смеялись, цепко берет их в руки, обволакивает материальным благополучием и душит бунтарские настроения. Когда стоит выбор между «роллс-ройсом» и независимостью взглядов, требуется нечто большее, чем талант. На пути к первому миллиону фунтов стерлингов они теряют все былые порывы и начинают заботиться лишь о том, чтобы им не помешали увеличить накопленное.

Окруженный со всех сторон вещами, Чарли порывает с людьми. Ему не о чем говорить со старым приятелем, в бешеном круговороте погоня за деньгами он теряет жену и сына. Всякий смысл и привлекательность жизни уходят от Чарли вместе с близкими людьми и пишущей

машинкой, которая раньше служила источником радости и вдохновения. Фильм кончается тем, что Чарли Бабблс забирается в воздушный шар и пропадает в облаках.

Эти два фильма были названы в числе лучших кинокартин прошлого года. Прежде всего потому, что они не имеют ничего общего с лентами, заполнившими английские экраны. Западные кинематографисты предпочитают показывать молодежь где-то на задворках; и если ей случается угодить в кадр крупным планом, то лишь для того, чтобы вздыбить мотоцикл или развлечь почтеннейшую публику старыми остротами. По неписаным законам молодежь в кино появляется только в двух-трех вариантах. Это либо преступники, либо влюбленные, либо шалопаны.

«Если...» и «Чарли Бабблс» как бы переключаются друг с другом и говорят зрителям: «Так дальше жить нельзя. Мириться с затхлой атмосферой сегодняшней Англии нет больше никакой возможности».

Реальной основой для этих фильмов послужила борьба английской молодежи. Это студенты Кембриджа, освиставшие премьер-министра Гарольда Вильсона, когда он приехал к ним со сладкими речами и новыми обещаниями. Это молодые рабочие в пикетах забастовщиков у заводов компании «Форд моторс». Это десятки тысяч юношей и девушек, шагающих в демонстрациях протеста против американской агрессии во Вьетнаме и многомиллионных маршах мира под лозунгами: «Долой ядерное оружие!», «Англия — вон из НАТО!»

Буржуазная печать Лондона сейчас судорожно бьется над вопросом: «Что стряслось с нашей молодежью?» Маститые профессора, именитые социологи и борзые репортеры строчат огромные статьи, посвященные этой теме. И каждый старается искать причину в старой приталике «молодежь нынче не та». Линдсей Андерсон дает в «Если...» ответ: «Если ничего не изменится, молодежь возьмется за оружие». Он назвал фильм «взглядом в будущее, надписью на стене». И эта надпись звучит грозным предупреждением власти имушмам.

Лондон

Юрий УСТИМЕНКО